

**Д. Н. МАМИН-СИБИРЯК В РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ
ПРОЦЕССЕ 1870-1890-Х ГОДОВ***

Литературная судьба Дмитрия Наркисовича Мамина-Сибиряка, писателя-реалиста, обладавшего ярким и самобытным художественным дарованием, складывалась странно. Автор пятнадцати романов, более пятисот повестей, рассказов, очерков, интересный публицист со своей темой и голосом, он прошел в литературе «известной неизвестностью», читаемый публикой и не понятый критикой¹. И это при многочисленных признаниях, что в лице Мамина русская литература имеет незаурядного художника, обладающего сильным талантом. В ряду тех, кто в той или иной форме говорил добрые слова о художественной физиономии этого литератора, стоят самые выдающиеся писатели времени. Известно, что М. Е. Салтыков-Щедрин назвал «прекраснейшими» очерки «Золотуха», которыми Мамин дебютировал в «Отечественных записках»². В. Г. Короленко в 1887 году писал о «поразительном запасе творческой силы» у своего современника, о «ясности ума», об умении «верно и сильно» очертить лица³. По словам А. М. Хирьякова, Н. С. Лесков был в «восторге» от романа «Золото», в котором его привлекали «свежесть и непосредственность» таланта писателя⁴. Столь же высоко оценил роман «Хлеб». И. А. Бунин, вспоминая о своих встречах с Маминым, отмечал его «крупный, оригинальный, самобытный талант, чрезвычайно умный»⁶. А. П. Чехов писал: «У него есть положительно прекрасные вещи, а народ в его наиболее удачных рассказах изображается несколько не хуже, чем в «Хозяине и работнике»⁷. По словам И. Н. Потапенко, Чехов обращал внимание на цельность, органичность и неутраченную эпичность, непосредственность и свежесть героев Мамина. «Язык у него настоящий», — так оценивал Чехов речь писателя, своеобразную, наполненную чисто народными выражениями⁸. Устойчиво высокими были оценки Мамина-Сибиряка А. М. Горьким. В письме к К. П. Пятницкому он говорил: «Талант его всюду крупен и ярк»⁹. При встрече с Ф. Ф. Фидлером в 1908 году он отозвался еще более экспрессивно: «Вот это настоящий человек, черт его дери, настоящая широкая русская натура. И крупный писатель!»¹⁰. В приветствии по случаю шестидесятилетия он назвал Мамина «писателем воистину русским», всегда чувствующим «кровную связь с народом»¹¹. Наконец, позднее, уже после Октября, М. Горький объединял Мамина с Г. Успенским по признакам как таланта, так и социальной зоркости, противопоставляя их писателям народнического направления¹².

Литературные критики, за немногими исключениями, также отмечали несомненную талантливость писателя. Для Н. К. Михайловского «Мамин — огромная стихийная сила»¹³, его крупный, непосредственный талант вне всякого сомнения»¹⁴.

Больше того, он считал, что «из всех современных писателей у Мамина наибольшее всех литературного темперамента»¹⁵. Столь же определенно, как и в письмах и беседах, Михайловский говорил об этом в печати: «Талант чрезвычайно сильный», в то же время недоумевая, почему же критика не останавливается на нем внимания¹⁶. Долгое время не признававший Мамина А. М. Скабичевский в 1896 году по силе таланта поставил его выше Золя¹⁷. Е. С. Соловьев-Андреевич в 1900 году утверждал, что писатель «лишь по какому-то случайному недоразумению не занимает по всем правам принадлежащее ему место»¹⁸.

Своеобразной попыткой осознать причины, по которым Мамин-Сибиряк остался в тени, была статья Е. Колтоновской «В стороне от главного русла». Начинаясь она с восторженного отзыва о языке художника: «Такой язык дается только избранным, большим поэтам с серьезным предназначением, с широкими задачами»¹⁹. Тем не менее, как говорит автор, Мамин «совершил свой долгий и довольно трудный литературный путь каким-то таинственным незнакомцем». Виновата не слепота критики, не отсутствие внимания со стороны присяжных аристархов. Причина в том, что «этот своеобразный писатель и самобытный, стихийный талант был по природе чужд основному духу русской литературы, и пути его прошли в стороне от тех граней, в которых пролегло ее главное русло». Сузив представление о русской литературе, не поняв сложных путей ее движения в конце XIX века, критика современников собственно отказывалась от решения вопроса об историческом смысле и значении творчества этого писателя.

Между тем, еще в 1899 году В. И. Ленин, высоко оценив Мамина-Сибиряка как художника-реалиста, по существу дал ключ как к пониманию специфики его творчества, так и вклада в русскую культуру.

Яркий, всегда рельефно вылепленный быт, полно и в разных аспектах схваченный художественной памятью, широкие натуры людей, привлечших его творческое внимание, размах и живописность страстей, которые выступали как сигналы кипения народных сил, народного характера, — все, что казалось приметам творчества, выпадающего из каких-то закономерностей литературного процесса, на самом деле было проявлением творческой индивидуальности писателя, определяемой особенностями русского социального и художественного развития.

Советское литературоведение на первых порах отнеслось к Мамину как к одному из народнических литераторов, чьи исторические прогнозы оправдались, хотя картины ушедшей жизни и отличаются достоверностью. Горьковские слова о том, что Г. Успенский и Мамин-Сибиряк были шире народнических писателей, повернули мысль в другую сторону. Пафос последующих работ А. Еголина²², Е. А. Боголюбова²³, Б. Д. Удинцева²⁴ состоял в том, чтобы доказать полную идентичность реализма Мамина-Сибиряка и художественной системы крупнейших представителей русского искусства. Реализм при этом казался неподвижным, отвечающим тем требованиям, которые были выдвинуты революционно-демократической критикой, и объективно выражалась в творчестве корифеев художественной мысли страны. На этом пути, даже при наличии ошибок в методологических основаниях, было сделано немало положительного. В конце сороковых — начале пятидесятых годов вышли собрания сочинений Мамина-Сибиряка, комментарии к которым представили читателю ход работ писателя, был введен обширный эпистолярный материал²⁶.

Поворот к более трезвому пониманию творчества писателя, в его соотносительности с общими чертами русского критического реализма и в то же время своеобразности с общими чертами русского критического реализма и в то же время своеобразности

разного, был достигнут в работах А. И. Груздева²⁷. Впрочем, более поздние по времени работы других исследователей, проникнутые пафосом утверждения единого потока реализма, чаще рассматривали то, что объединяет Мамина-Сибиряка с другими писателями, чем особенности его писательской индивидуальности²⁸. Но это обилие частных исследований, хотя и не приближающих к разгадке парадокса, обнаруженного еще дореволюционной критикой, подготавливало возможность решения вопроса о месте Мамина-Сибиряка в литературном процессе и о своеобразии его художественной системы как части более широкой системы русского критического реализма второй половины XIX века.

Однако только выход нашего литературоведения на дорогу системных типологических исследований в конце шестидесятых годов дал ключ к пониманию талантливого писателя, пользующегося читательским вниманием и все же не получившего определения свойств и места его реализма в художественной культуре страны. Но конкретные исследования типологии русского реализма, сосредоточенные на явлениях, лежащих в «главном русле литературы», оказались для Мамина-Сибиряка снова несчастливими. В многотомной монографии «Развитие реализма в русской литературе» ему места не нашлось²⁹. Но именно системное изучение литературного процесса, методология которого разрабатывается советскими литературоведами³⁰, — необходимая предпосылка для понимания маминской художественной системы в ее тесном сплетении с общими процессами развития русской литературы второй половины XIX века. Следует иметь в виду, что постановка проблемы, указанной в заглавии работы, не имеет длительной методологической традиции. На трудности развития исследований в пограничном слое — писатель и литературный процесс, справедливо указывал Н. И. Пруцков, обращающая внимание на то, что литературная наука еще не нашла окончательного решения этой теоретической и историко-литературной проблемы³¹. На ошибки исследователей на этом пути, подходящих к материалу живой истории литературы как к сумме примеров, а не к явлению действительности, требующему уяснения в свете общих закономерностей, сетовал В. Р. Щербина³². В работе Н. И. Пруцкова, о которой уже говорилось, трудности развития исследования в рамках названной проблематики объясняются также тем, что «пока не сложилось научное понимание литературного процесса в целом, идейного и художественного роста литературы, смены и взаимодействия в ней различных направлений, течений и школ»³³. Однако это не означает отказа от исследований до получения развитой концепции литературного процесса вообще и русского в частности. По мнению ученого, которое нельзя не разделять, «необходимо, чтобы в современной науке постоянно сочетались исследование наследия отдельно взятого писателя с исследованием литературного процесса в его целостном виде»³⁴. Работа, в которой выясняются особенности художественной системы Мамина-Сибиряка, и задумана в этом плане. При этом обращение к литературному процессу, участником которого является писатель, здесь не дань моде, не результат следований указующему персту теоретиков, но признание органичности подобной методики исследований для изучения творчества Мамина-Сибиряка, который понятен как явление художественного таланта, но не был осознан в его значении для истории литературы, в процессах ее развития.

Б. И. Бурсов остроумно заметил, что «литературный процесс — не групповой портрет, как мы его себе нередко представляем». В настоящей работе не ставилась цель создания такого «группового портрета», который наглядно бы демонстриро-

вал, какое именно место занимает Мамин-Сибиряк. Задача состояла не в сопоставлении этого писателя с представителями самых различных течений русского реализма. Она заключалась в определении того, какие процессы русской жизни, задачи, стоявшие перед обществом, народом, человеком, вызвали к жизни те или иные явления, характеризующие творческий метод и художественную систему Мамин-Сибиряка в целом. Автор при этом не мог следовать готовым типологическим построениям предшественников, но, опираясь на них, развивает самостоятельную концепцию течений в реалистическом искусстве, находит модификации метода реализма, характеризующие и объясняющие творческие открытия писателя. В работе, в частности, ставятся вопросы о судьбах «народного реализма» в дальнейшем литературном развитии, о процессах в движении романного жанра, о роли очерка в расширении принципов типизации и другие, помогающие общему решению, проблемы.

На основе исследования в нашей работе устанавливаются характерные черты реализма, обратившегося к быту и к людям, которые дороги писателю именно своим бытовым содержанием. Человек привлекает писателя не моральными и философскими исканиями, которые сохраняли бы степень напряженности и широты подлинно научной сферы, не служением идее, которая разрабатывалась бы сознанием героя до итогового понимания мира, а проявляющейся в нем народной психологией, закономерностями поведения, прочной связью с землей, трудом, природой, родиной, самобытностью и богатством граней характера, выражающегося в поступках, в действии. В работе объясняется специфика типизации, вырастающая из опыта очерковой литературы, из художественной практики Решетникова, соседствующая с некоторыми сторонами позитивизма. Писатель рассматривается в движении, в тех переменах, которые обусловлены особенностями самой художественной системы, ориентированной на воспроизведение живого движения жизни. В этой системе субъект также непрерывно меняется в своем эмпирическом отношении к миру, хотя и ощущает свою связь с народом, с трудящимися, с фондом их нравственно-эстетических ценностей. Гибкость и подвижность жанра романа также объясняется тем, что метод рассматривался писателем как аналог действительности в ее существенных, определяющих чертах, но аналог не логизированный, а воспроизводящий всю полноту определений живого, живущего, движущегося.

Тяготение Мамин-Сибиряка к быту, к прагматическому сознанию героев объясняется сдвигами в социальной психологии демократических масс, находящихся в условиях развивающегося капитализма. Эта же приверженность Мамин к формам «этологии» увидена в работе и в аспекте природных склонностей писателя. В способности рельефно вылепить быт выражалась органически присущая писателю черта таланта. Характерно, что самые ранние опыты его, еще ученические, отмечены искусством фиксировать течение жизни, зарисовать бытовую оценку. Так было в таких его очерках, как «Отрезанный ломоть», где описывалась поездка по Чусовой³⁵, «Худородные», представляющем зарисовки быта семинаристов³⁶, в незавершенном отрывке, начинающемся словами «Целым морем света был залит проснувшийся город»³⁷, где описывалась поездка на каникулы в родной поселок³⁸. Уже студентом, выступая с небольшими рассказами в «Сыне отечества» и «Кругозоре», Мамин воспроизводил в их сюжетах устные рассказы о различных происшествиях, бывавших на родине, воспроизводил натуралистические, покоренный элементами народной поэтики, которые были характерны для этих устных рассказов³⁹.

Но эта прирожденная черта таланта писателя по-разному взаимодействовала с исторической эпохой. В семидесятые годы она не давала ему занять место в литературе, выйти на страницы «толстых» журналов. В восьмидесятые годы она же обеспечила ему беспрепятственный доступ в «большую» литературу демократического направления. В XX веке покорность таланту, его свойствам определили раннее затухание творческой деятельности Мамина.

Предлагаемое исследование для автора является итогом его многолетних трудов, посвященных различным сторонам личности и творчества Д. Н. Мамина-Сибиряка, а также проблемам русского литературного процесса 1870-1890-х годов. Результаты изучения опубликованы в книгах «Книги и судьбы» (Свердловск, 1973), Д. Н. Мамин-Сибиряк. Личность, творчество». (Свердловск, 1977) и во многих статьях, вышедших в различных изданиях. Именно этим объясняются частые отсылки к той или иной работе автора, где частные вопросы, позволяющие лучше понять особенности реализма писателя, рассмотрены шире, детальнее, аргументированнее.

Примечания:

* Настоящая статья И. А. Дергачева представляет собой введение в текст докторской диссертации «Д. Н. Мамин-Сибиряк в русском литературном процессе 1870-1890-х годов» (1980), которая в связи со 150-летием со дня рождения этого самобытного русского писателя подготовлена к изданию в виде монографии. Рукопись хранится в архиве И. А. Дергачева (папка 1985, ед. хр. 1). Публикация подготовлена М. И. Дергачевой и А. В. Подчиновым.

1. Полонский Г. Д. Н. Мамин-Сибиряк // Запросы жизни. 1912. № 45.
2. Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 20 т. М., 1939. Т. 19. С. 306.
3. Короленко В. Г. Письмо И. Г. Остроумову // Огонек. 1958. № 7. С. 24.
4. Фидлер Ф. Ф. Д. Н. Мамин-Сибиряк: Воспоминания // Объединенный музей писателей Урала. Ф. Мамина-Сибиряка. № 214. Л. 106.
5. Русские писатели о литературном труде. Л., 1955. Т. 3. С. 218.
6. Уральская жизнь. 1912. 9 ноября.
7. Чехов А. П. Собр. соч.: В 20 т. М., 1944. Т. 16. С. 229; Он же. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. М., 1978. Письма. Т. 6. С. 41.
8. А. П. Чехов в воспоминаниях современников. М., 1954. С. 287.
9. Горький М. Собр. соч.: В 30 т. М., 1955. Т. 28. С. 271.
10. Д. Н. Мамин-Сибиряк в воспоминаниях современников. Свердловск, 1962. С. 245.
11. Горький М. Собр. соч. Т. 29. С. 277-278. (Подлинник, подписанный также учениками Каприйской школы – Н. Золотаревым, Л. Прибоем, В. Тимофеевым и др. – хранится в ГАСО. Ф. 136. Оп. 1. Ед. хр. 96).
12. Горький М. Собр. соч. Т. 24. С. 477.
13. Письмо П. Ф. Якубовичу 2 ноября 1898 // Русская литература конца XIX - начала XX в. Десяностые годы. М., 1968. С. 405.
14. Д. Н. Мамин-Сибиряк в воспоминаниях современников. С. 242.
15. Там же.
16. Михайловский Н. К. Соч. СПб, 1913. Т. 10. С. 995.
17. Скабичевский А. М. Д. Н. Мамин-Сибиряк. // Новое слово. 1895. № 1.
18. Андреевич (Соловьев Е.) Очерки текущей русской литературы // Жизнь. 1900. № 12. С. 326.
19. Вестник Европы, 1913. № 2. С. 198-219.
20. Вестник Европы, 1913. № 2. С. 199.
21. Там же. С. 200. (Впервые эта мысль была высказана П. Красновым в статье «Новые типы в современной беллетристике» // Новый мир. 1899. № 1. С. 12).
22. Еголин А. М. Освободительные и патриотические идеи русской литературы. М., 1947.

23. Боголюбов Е. А. Творчество Д. Н. Мамина-Сибиряка. Вып. 1-4. Пермь, 1944.
24. Удинцев Б. Д. Талантливый певец Урала // Октябрь. 1952. № 10. С. 172-179.
25. Чурина Л. П. К вопросу об эстетических взглядах Д. Н. Мамина-Сибиряка // Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк. Сто лет со дня рождения. Свердловск, 1953. С. 34-45.
26. Мамин-Сибиряк Д. Н. Собр. соч.: В 12 т. / Под ред. Е. А. Боголюбова. Свердловск, 1948-1951; Он же. Собр. соч.: В 8 т. М., 1953-1954; Он же. Собр. соч.: В 10 т. / Под ред. А. И. Груздева. М., 1958.
27. Груздев А. И. Мамин-Сибиряк. Критико-биографический очерк. М., 1958.
28. См.: Баскаков В. Н. Д. Н. Мамин-Сибиряк в научной литературе // Русская литература. 1963. № 1. С. 203-215; Ковалев Вл. А. Д. Н. Мамин-Сибиряк в советском литературоведении (60-70-е годы) // Русская литература. 1979. № 12. С. 191-197.
29. Развитие реализма в русской литературе: В 3 т. М., 1972-1974.
30. Храпченко М. Б. Творческая индивидуальность писателя и развитие литературы. М., 1972; Он же. Художественное творчество, действительность, человек. М., 1976; Историко-литературный процесс. Проблемы и методы изучения. Л., 1974; Наследие Ленина и наука о литературе. Л., 1969; Современная советская историко-литературная наука. Л., 1975; О прогрессе в литературе. Л., 1977.
31. Пруцков Н. И. Жанры и проблематика историко-литературных исследований / Современная советская историко-литературная наука. Л., 1975. С. 98.
32. Щербина В. Р. Ленин и вопросы литературы. М., 1967. С. 293.
33. Пруцков Н. И. Жанры и проблематика историко-литературных исследований. С. 10.
34. Там же. С. 76.
35. ГАСО. Ф. 136. Оп. 1. Ед. хр. 85.
36. Мамин-Сибиряк Д. Н. Худородные. Свердловск, 1958. (Публикация И. А. Дергачева).
37. ГАСО. Ф. 136. Оп. 1. Ед. хр. 83.
38. См.: Дергачев И. А. Очерки Мамина-Сибиряка о бурсе // Мамин-Сибиряк Д. Н. Худородные. С. 233-258.
39. См.: Дергачев И. А. Фольклорные основы ранних рассказов Д. Н. Мамина-Сибиряка // Русская литература 1870-1890 годов. Свердловск, 1970. Сб. 3. С. 91-120.